

Леонид Сабанеев

М.И. ГЛИНКА

(фрагменты)

<...>

Глинка исторически двойственен: он зачинатель русского национального художественного стиля. Своего музыкального мастерства он не создавал; он взял его готовым: это было европейское мастерство композиторов начала XIX в.

<...>

...несомненно, что все элементы не только музыкальной эпохи «кучкизма», но и «чайковизма» уже находятся у Глинки: он провидел и лирический славянский мелодизм Чайковского, и весь «ориентализм» «кучки» — он создал типы мелодий, которые «кучкистами» только варьировались и которые все в зародыше у него имеются. Сами «кучкисты», да и весь музыкальный мир всегда глубоко понимал, что такое Глинка для последующей русской музыки. <...> Есть у него и качества, в которых он определенно выше своих музыкальных потомков. К числу их принадлежит и изящество и тонкость всей музыкальной фактуры — от мелодических линий и до гармонии и оркестровки. <...>

Но всецело еще оставаясь в плане фактуры начала прошлого века, Глинка не может казаться современному уху, не контролируемому исторической перспективой, примитивным и устарелым. Время стерло многое и из тех принципов, проводить в жизнь которые хотел Глинка и в чем видел свое назначение, — я говорю об обязательной «этнографичности» мелодики. Западная музыка, в сущности, никогда не знавала такого увлечения этнической субстанцией — но у нас она стала центральной идеей и до сих пор не совсем угасла.

Но теперь меньше чувствуется различие между т. н. «итальянским» периодом его творчества и «русским». <...> Как мелодист ... Глинка бесспорно стоит в первом ряду, наряду с Шубертом, Шопеном, его современниками, а мелодия его знаменитого «Славься» есть, на мой взгляд, наилучшее в музыкальной литературе воплощение идеи «всенародного гимна» — и он лучше даже (меня тут же немедленно съедят некоторые) знаменитой темы Девятой симфонии Бетховена, от которой все-таки отдает «гавотиком».

Много говорилось и писалось об аналогии «Глинка и Пушкин». Я думаю, что кроме их «синхроничности» общего между ними мало. <...>

Пушкин был бесспорно одним из культурнейших людей своего времени (не только в России) — Глинка был в существе своем человеком малокультурным, типичным интуитом, гениально одаренным в музыке, но лишенным кругозора. Кроме музыки и своих «нянек» он ничем не интересовался — об уровне его литературных вкусов свидетельствует либретто «Жизни за царя» и та невероятная каша и неразбериха, которую он увековечил под именем «Руслан и Людмила».

<...>

<...> Пушкин обладал блестящим, отчетливым и чрезвычайно быстрым умом — Глинка был рыхлый, вялый человек, по-видимому, не очень умный (дневники его не свидетельствуют ни об уме, ни о наблюдательности) — он уже этим одним не годится в историческую параллель с Пушкиным.

<...>

Впервые опубликовано: *Новое русское слово*, 1954, 30 мая. — Цит. по изд.: Л.Л. Сабанеев. *Воспоминания о России*. — М.: Классика-XXI, 2004. — С. 26 — 28.

Михел ван дер Ватерло*

Из «Наставлений самому себе в практической критике» (са. 1930)

Критика — дело рискованное. Я не могу написать «дирижер N провел симфонию Бетховена блистательно» без того, чтобы меня уличили в партийности. В другой раз я пишу: «дирижер N провел симфонию Бетховена из рук вон плохо» — и мне достается то же самое. Что же делать, если исполнение было действительно плохим? если оно действительно блистало? — Оставаться верным себе и рисковать дальше.

Всяк пишущий обрекает себя и на осуждение, и на похвалы. Первому особенно подвержен критик. Но наибольшая опасность там, где критик отвечает на нападки; ничто не развращает пишущего так, как вовлечение его в полемику, навязываемую и поддерживаемую искусственно. Это означает соучаствовать в мелком мошенничестве под видом благих намерений, ибо меня заставляют почему-то перевести взор с произведения искусства на произведение критики. Какой вздор! Что бы ни говорили, я должен молчать. Старика Гёте спросили: «А если бы Вас обвинили в краже столового серебра?» — «Не имеет значения, надо молчать».

Отвечать на критику — значит поступать глупо. У якобы несправедливой критики все равно не отберешь право, которого у нее и так нет, право последнего слова. Критическое слово — не вердикт, даже не диагноз. Оно всего лишь одно из многих случайных *свидетельств присутствия*. И как таковое оно есть отражение произведения, волей случая неверное и фрагментарное.

Требовать от критики откровений и справедливости значит непомерно преувеличивать ее скромное назначение. Всякие претензии, но также и похвалы в адрес критики, ко всему прочему, опрометчивы: они выдают нечистую совесть.

Мне нравится то, что не приемлют другие. Критик тоже человек, ему тоже *нравится и не нравится*. Сколь часто я поддаюсь искушению вынести вердикт на основании этого нравится-не нравится, вместо того чтобы понять и объяснить. Критик все-таки не судья, что бы ни думало большинство, в его обязанности не входит принятие так называемых справедливых решений.

* Ватерло Михел ван дер (1893 — 1931) — нидерландский музыкальный критик, писатель.